

Романы

Ребекки Куанг

МАКОВЫЕ ВОЙНЫ

Опиумная война

Республика Дракон

Пылающий бог

Вавилон.

Сокрытая история

Йеллоуфейс

REBECCA F. KUANG

YELLOWFACE

РЕБЕККА КУАНГ

ЙЕЛЛОУФЕЙС

FANZON

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К88

R. F. Kuang
YELLOWFACE

Copyright © 2023 by R.F. Kuang

Публикуется с разрешения автора и её литературных агентов —
Liza Dawson Associates, США, при участии
Агентства Александра Корженевского, Россия

Cover illustration by *Nicolas Delort*

Fanzon Publishers
An imprint of
Eksmo Publishing House

Перевод *Александра Шабрина*
Дизайн *Елены Куликовой*

Куанг, Ребекка.

К88 Йеллоуфейс / Ребекка Куанг ; [перевод с английского
А. Шабрина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 432 с.

ISBN 978-5-04-190009-0

В ночь смерти Афины Лю, автора нескольких напумевших бестселлеров, ее коллега Джун Хэйворд крадет из дома погибшей черновик романа и, доработав, выдает за свой. Деньги, почести, премии — восторг от собственного вознесения на писательский Олимп кружит голову, ведь все, о чем грезила Джун, теперь сбывается на глазах, и никто никогда не узнает... Но на одной из встреч с читателями Джун видит то, чего не может быть. Это невозможно. Это противоречит здравому смыслу. Афина Лю жива? Или это ее мстительный призрак?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-190009-0

© А. Шабрин, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Эрику и Жанетт

1

ВТУ НОЧЬ, ЧТО Я НАБЛЮДАЮ КОНЧИНУ АФИНЫ Лю, мы как раз отмечаем ее сделку с *Netflix*.

Для начала, чтобы эта история имела какой-то смысл, насчет Афины нужно знать две вещи.

Первая — это что у нее было всё. Она еще не успела отучиться, но уже располагала контрактом на издание нескольких книг (причем издательство крупное). Была также реклама на одном раскрученном литературном сайте, анонсы сразу в нескольких престижных арт-резиденциях, а еще номинации на премии (перечень длинней, чем мой список покупок). В свои двадцать семь она уже опубликовала три романа, каждый успешней и громче предыдущего. Сделка с *Netflix* для нее была не чем-то судьбоносным, а просто еще одним пером в шляпке, эдаким добавочным костыликом в восхождении на книжный Олимп, по которому она даже не взбиралась, а будто взлетала за своей птицей счастья прямо со студенческой скамьи.

Вторая — возможно, следствие первой — это что у нее почти не было друзей. Писатели нашего возраста — молодые, ищущие, амбициозные, еще по эту сторону символического «тридцатника», — как правило, сбиваются в стайки и своры. В соцсетях их

не нужно даже искать — от этой публики там просто рябь в глазах и звон в ушах, как они восторгаются отрывками из неопубликованных рукописей друг друга («КРЫША ЕДЕТ, КАКОЙ ОТРЫВ!»), брызжут кипятком по поводу обложек («КЛАСС! УЛЁТ!! ОТВАЛ БАШКИ!!!») и выкладывают селфи со своих писательских тусовок во всех частях света. А вот на снимках Афины в *Instagram*¹ никто, кроме нее, не присутствовал. В твитах она аккуратно публиковала новости о своей карьере и острооты для своих семидесяти тысяч подписчиков, но редко когда писала другим людям. Там не значилось имен, не было рекламы, не рекомендовались книги кого-то из коллег и вообще не выказывалось того публичного «чувства локтя», которое навязчиво демонстрируют всевозможные «пробники пера» в своих потугах вымостить себе карьеру. За все время, что мы знакомы, я никогда не слышала, чтобы она упоминала кого-нибудь из близких друзей, кроме меня.

Раньше я считала это обыкновенным зазнайством. Афина настолько примитивно, вызывающе успешна, что общаться с простыми смертными ей, предположительно, просто влом. Ее круг состоит исключительно из обладателей чеков с семью нулями и таких же, как она, производителей бестселлеров, тещащих друг дружку своими утонченными наблюдениями за современным обществом. Якшаться с пролетариями Афине попросту недосуг.

¹ Instagram, Facebook — проекты компании «Мета», признанной экстремистской в РФ.

ЙЕЛЛОУФЕЙС

Однако в последние годы у меня сложилась другая теория, суть которой в том, что все остальные считают ее невыносимой по той же причине, что и я. В самом деле, трудно дружить с кем-то, кто затмевает тебя каждым своим шагом и на каждом повороте. Вероятно, выносить Афины никто другой не в силах потому, что ничем не может пригасить ее постоянное превосходство. Ну а я с ней на дружеской ноге из-за того, что и не пытаюсь этого делать.

В общем, тем вечером мы с ней сидим в том шумном баре Джорджтауна, на открытой террасе. Коктейли по заоблачным ценам Афина вливает в себя будто на спор, что вечерок ей удался, а я пью, притупляя в себе сучку, тихо желающую, чтоб она подавилась — лучше всего насмерть.

СОШЛИСЬ МЫ С АФИНОЙ ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ. На первом курсе мы жили на одном этаже в общежитии Йеля, а поскольку обе чувствовали в себе тягу к писательству с тех самых пор, как начали соображать, то и оказались на одних и тех же студенческих семинарах по писательскому мастерству. На заре творчества мы обе тискали свои рассказы в одних и тех же журналах, а через несколько лет после университета переехали в один и тот же городок — Афина ради престижной стипендии в Джорджтауне, где преподаватели, по слухам, настолько впечатлились ее гостевой лекцией в университете, что английская кафедра специально соорудила под нее должность креатив-

щицы в ПЕН-клубе, а я из-за того, что у материной сестры в Рослине была квартирка, которую она мне сдала за оплату буквально света и воды — ну и в расчете, что я не забуду поливать ее фикусы. С Афиной нас не сближало ни пресловутое «родство душ», ни какая-нибудь глубокая связующая травма — просто мы всегда крутились в одних и тех же местах, занимались одними и теми же делами, так что и дружелюбие у нас вошло в подобие привычки.

Но, хотя взрастали мы в одном и том же гнездышке — на кафедре малой прозы профессора Наталии Гейнс, — после выпуска нас разметало по совершенно разным траекториям карьер и орбит.

Написание первой книги у меня тянулось целый год — очажок вдохновения среди скучотливой маеты, чем было для меня преподавание в *Teach for America*¹. Каждый день после работы я увлеченно кропала историю, которую хотела поведать с детства: богатую сценами, с элементами волшебства повесть о взрослении и скорби, утрате и сестринской связи. Повесть называлась «Под сенью платана». Безуспешно обойдя с полсотни литературных агентов, я все же пристроила ее в скромном издательстве *Evermore*, по итогам открытого конкурса. Размер оплаты на тот момент казался мне фантастическим — аванс десять тысяч, с гонораром от последующих продаж; но это было до того,

¹ Teach For America — некоммерческая организация выпускников-педагогов для преподавания в малообеспеченных районах США.

ЙЕЛЛОУФЕЙС

как я узнала, что Афина за свой дебютный роман на *Penguin Books*¹ получила шестизначную сумму. А *Evermore* за три месяца до выхода моей книги взял и схлопнулся.

Права на книгу возвратились ко мне. Каким-то чудом литагент, подписавший со мной контракт после неудачи с *Evermore*, перепродал их одному из домов «Большой пятерки» за аванс в двадцать тысяч долларов («недурная сделка» — мелькнуло в объявлении Рынка издателей). Казалось, я близка к тому, что все мои мечтания о славе и успехе вот-вот сбудутся — «ну вот оно, наконец». Однако ко дню выхода первый тираж моей книги вдруг урезался с десяти до пяти тысяч экземпляров, а тур раскрутки по шести городам сократился до трех столичных пригородов; не реализовались и обещанные отзывы от известных писателей. Допечатки я так и не дождалась. Всего разошлось две, от силы две с половиной тысячи экземпляров. Моего редактора сократили в ходе одной из тех издательских передышек, что обычно случаются во времена спадов, и я перешла к какому-то парню по имени Гаррет, который до этих пор проявлял к книге так мало интереса, что впору задаться вопросом, помнил ли он вообще мое имя. «Да это в порядке вещей», — внушали мне. Обсёр с дебютами — удел решительно всех. «Ты же знаешь этих издателей». В Нью-Йорке крошечный хаос и сутолока, все редакторы и рецензенты зава-

¹ Penguin Random House — крупнейшее в мире издательство.

лены работой, вечно на подсосе, грызня идет повсеместно. Так что на другой стороне травка никак не зеленее. Да еще и сами авторы привередничают: то не так, это не эдак. Золушек с туфельками здесь не бывает — только работа до пота, упорство и неустанные попытки вытянуть тот самый счастливый билет.

Тогда как, объясните, некоторые выстреливают к славе с первой же попытки? Еще за полгода до выхода дебютного романа Афины ее сексапильная, в полстраницы фотка уже красовалась в распиаренном издательском журнале. Чего стоит один заголовок: *«Знакомьтесь: наше юное дарование! Азиатская американка с историей, бередящей любую душу!»* А у самой уже контракт на издание в трех десятках стран. Дебют Афины Лю прошел под сплошные фанфары критиков в таких изданиях, как *Times* и *New Yorker*, а сама книга несколько недель продержалась в топах всех списков бестселлеров. Бесспорный залог к церемонии награждения, которое ждало ее и в следующем году. Дебют Афины — «Голос и эхо» (о юной американской китаянке, способной вызывать призраков всех умерших в ее роду женщин) — был одним из тех редких романов, где идеально сходились грани между фантастикой и коммерческой литературой, за что Афина номинировалась сразу на «Букер», «Небьюду», «Хьюго» и «Всемирную премию фэнтези», из которых заполучила две. Это было буквально три года назад. А затем она опубликовала еще две книги, по следам которых критики окончательно сошлись во мнении, что ее произведения становятся все ярче и лучше.

ЙЕЛЛОУФЕЙС

Не то чтобы у Афины не было таланта; вовсе нет. Писатель она чертовски *добротный* — я прочла все ее работы, и ревности из-за признания хорошего стиля во мне быть не может. Однако истинно звездная сила Афины явно не в писании. Она *в ней самой*. Проще говоря, Афина Лю обалденно крута. Уже само ее имя — Афина Лин Энь Лю — звучит классно. Молодцы мистер и миссис Лю, хорошо постарались: выбрали идеальное сочетание экзотики с классикой. Родившаяся в Гонконге, выросшая между Сиднеем и Нью-Йорком, образование Афина получила в британском пансионе, что дало ей шикарный, слегка иноземный акцент. Высокая и изящная, как дорогая трость, с грацией наподобие бывшей балерины, фарфорово-бледная, с карими глазищами в опушке длинных ресниц — ну просто вылитая Энн Хэтэуэй, только на китайский манер (не сочтите меня за расистку, но как-то раз Афина опубликовала селфи с «Энни» на каком-то светском рауте, где их трепетные, как у ланей, глазищи полыхали над простой, но броской подписью: «БЛИЗНЯШКИ!»).

Она невероятна, в самом буквальном смысле.

И, конечно же, достаивается всего наилучшего; так уж устроена эта индустрия. Издательства избирают победителя — кого-то достаточно привлекательного, харизматичного, молодого и (конечно, это у каждого на уме, так что давайте скажем без стеснения) «разнопланового» — и изливает на него благодатный дождь из своих денег и ресурсов. Все это чертовски произвольно. Быть может, и не на сто процентов, но все равно продиктовано факторами,

которые не имеют ничего общего с силой чьей-либо прозы. Афина — изысканная, окончившая Йель, в меру экзотичная, с дерзкой красотой «на любителя» цветная женщина — была выбрана сильными мира сего. А я лишь кареглазая шатенка Джун Хэйворд из Филадельфии (так у нас именуют Филадельфию), и не важно, с каким усердием и как хорошо я пишу — Афиной Лю мне не быть никогда.

Казалось бы, к этому времени она должна просто со свистом взлететь над моей орбитой. Однако ко мне по-прежнему продолжают приходить дружеские эсэмэски: «Ну что, как нынче пишется?», «Норму по словесному потоку выполнила?», «Удачи с дедлайном!». Бывают и приглашения: маргарита «счастливого часа» в «Эль Сентро», поздний завтрак в «Зайтиньи», поэтический слэм на Ю-стрит. У нас одно из тех закоренелых приятельств, когда достаточно много времени проводишь вместе, по-настоящему не узнавая друг о друге. Я, например, до сих пор не знаю, есть ли у нее братья или сестры. А она никогда не любопытствует насчет моих парней. Но мы продолжаем тусоваться, потому что это удобно: обе живем в Вашингтоне, а чем старше становишься, тем новых друзей заводить все сложнее.

Честно сказать, я не знаю, отчего Афина испытывает ко мне симпатию. При встрече она меня всегда обнимает. Ей нравятся мои посты, которые я дважды в неделю выкладываю в соцсетях. Где-то раз в пару месяцев мы с ней пропускаяем по бокальчику, причем на посиделки меня по большей части приглашает она. Сама я понятия не имею, чем могу ей пригодиться — у меня нет ни положения, ни по-

ЙЕЛЛОУФЕЙС

пулярности, ни связей, которыми она могла бы воспользоваться через наше общение.

В глубине души я неизменно подозревала, что Афине во мне импонирует именно то, что я не могу с ней соперничать. Я понимаю ее мир, но не представляю угрозы, а ее достижения для меня настолько недостигаемы, что ей не стыдно бахвалиться передо мной своими победами. Хотя кому из нас не хотелось бы иметь друга, который никогда не станет оспаривать наше превосходство, потому что заведомо знает, что это безнадежно? Разве мы все не нуждаемся в ком-то, к кому можно относиться как к боксерской груше?

— НИЧЕГО ТАКОГО УЖ СКВЕРНОГО В ЭТОМ НЕТ, — увещевает меня Афина. — Они просто намекают, что выпуск пейпербека смещается на несколько месяцев.

— Не смещается, — уныло поправляю я, — а отменяется. Бретт сказал, что они просто... не сумели найти под него место в графике публикаций.

Афина поглаживает меня по плечу.

— Да ты не переживай. За твердую обложку гонорарная планка по-любому выше! Значит, ты и получишь больше. Нет худа без добра, верно?

«Смелое, однако, предположение, что я вообще что-нибудь получу».

Вслух я этого не произношу. От намеков на бестактность Афина может впасть в бурные извинения, реагировать на которые для меня труднее, чем просто проглотить свой сарказм.